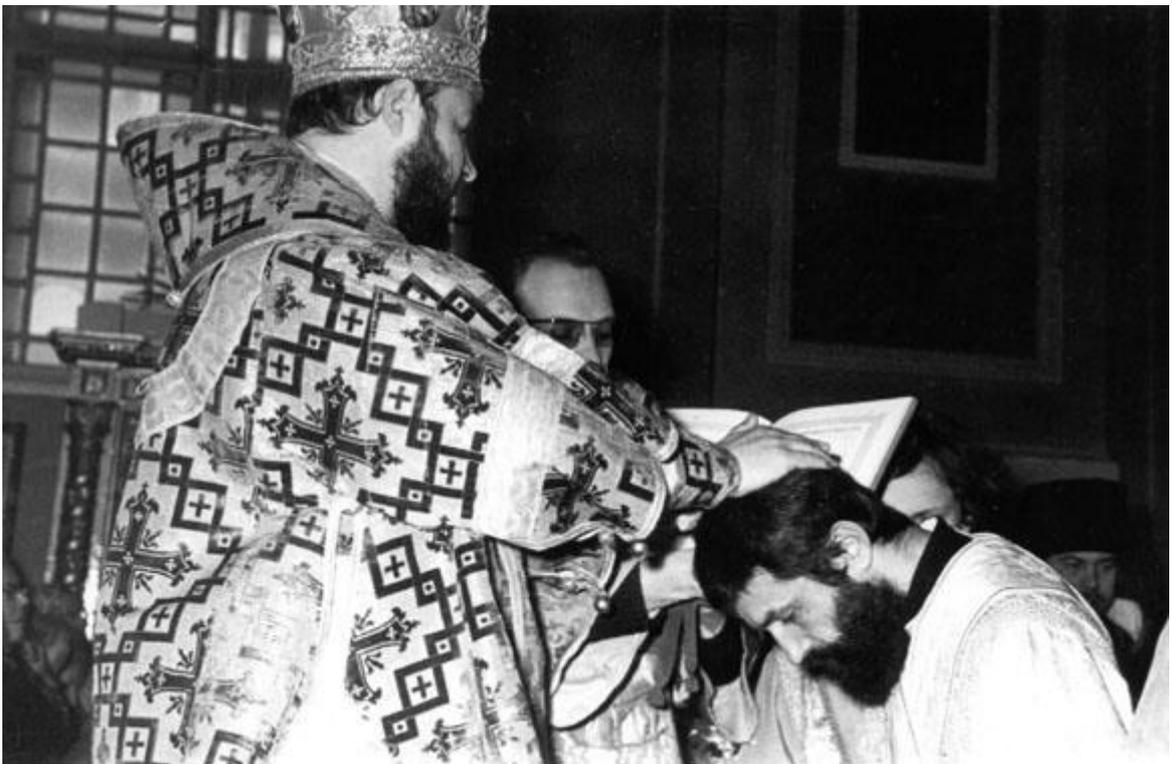


— Ленинград, 10 апреля 1979 г.

Дорогой Сашок!

— Меня очень обрадовало твоё письмо с поздравлением. С того времени я был 18.03 рукоположен в сан диакона. Так что теперь я иеродиакон (так называются "чёрные" диаконы, т.е. те, которые в монашеском чине).

— Обращение, которое ты употребил, - "дорогой Ианнуарий", - уместно, хотя, если ты меня будешь называть на людях, традиция требует приставки "отец". Например, - "дорогой о. Ианн." или "отвратительный о. Ианн.": эпитеты могут быть, конечно, разными.



Рукоположение в диаконы

Что сказать о важности моего шага? Внешне это может быть неважным. Но какое-то реальное изменение в жизни (а здесь оно символизируется даже заменой имени), - скажем, женитьба или там перемена гражданства, - сопровождаясь внешними символами, несёт в себе потенцию стать "важным". Для внешнего взгляда это может и не выявиться, а субъективно это тоже может остаться без последствий. Но это редко. Чаще всего мы видим, что в духовном мире смена имени важна. Папа Павел VI - не то же самое, что кардинал Джованни Монтини, Иоанн Павел II - это не краковский епископ Кароль, Екатерина II - не принцесса София Шарлотта, патриарх Пимен - не Сергей Извеков, а митрополит Никодим - не Борис Георгиевич Ротов. Это всё очень известные люди, но не то же ли с простыми людьми?

Конечно, для косной и безличной государственной машины смена имени не отражает никакой реальности, да и самой смены имени не существует. По-своему гос. чиновники правы, но их правда - правда паспортного стола - всего лишь чернильно-бумажная правда.

Будь их воля, апостол Пётр на веки остался бы всего лишь Симоном бар Ионой, а ап. Павел только Савлом.

—Наша Конституция, как известно, уравнивает всех в правах и обязанностях и, отделяя Церковь от государства, тем самым не признаёт никаких церковных обетов, а церковной документации не признаёт имеющей экономико-материальной силы (что такое церковная печать по Конституции? не больше, чем твоя личная печать, какую ты ставишь на своих книгах. Ещё меньше, т.к. церковной собственности нет, и, следовательно, даже на книгах печать ставить бессмысленно). Но это - Основной Закон. Реальность же, живая жизнь оставила лазейки для более гуманного, реалистического подхода к церковным событиям, кроме Закона существуют законы. И вот, вопреки Конституции, но вполне законно, человек, принявший на себя обет безбрачия (не только монах, но даже просто целибат), освобождается от малосемейного налога. Для этого достаточно в финотдел или в бухгалтерию того предприятия, где монах работает, представить соответствующую справку из церковной организации. Но справка эта, обладая силой финансового документа, должна быть как-то заверена. Чем заверить? Конечно, печатью. Таковы живые парадоксы.

—Ввиду моей будущей свободы от налога по бездетности, как преподаватель в учебном заведении я экономлю в год около 200 рублей. Разве это не реальные изменения? Конечно, с этим стоит поздравить.

—А так, какие ещё важные изменения? Ну разве что только то, что став монахом, я принял обеты безбрачия, точнее - целомудрия, нестяжания и послушания. Конечно, эти требования предъявляются и любому крещённому, но монаху - в сугубом виде. Так, целомудрен должен быть всякий христианин, но монах отказывается от брака и от родственников; нестяжателен должен быть каждый, - монах обязуется вообще не иметь личной собственности; смирен и послушен должен быть всякий (но покушение на его личную свободу не простирается далее дисциплинарных требований в литургической жизни), - монах не имеет личного времени и места. Так, тебя из Калининграда могут выселить (вопреки твоему желанию) законно по суду, или незаконно внешним насилием. Для монаха достаточно было бы одного слова епископа, не обязательно громко сказанного. Здесь есть маленькая разница.

—Как прочувствовать эти изменения? Это, как и всё в религии, не передашь словами. Надо просто пожить настоящей жизнью монаха (со всеми бытовыми тонкостями) недельку-другую, тогда ничего и объяснять не надо было бы.

Вообще, религиозный опыт, отточенная тысячелетиями духовная культура апеллировала не к единицам способных к религии людей. Это культура всенародной жизни и общечеловеческого опыта всех поколений и регионов с доисторических времён до наших дней. "Культура вышла из храма", - писал автор "Золотой ветви", крупнейший этнограф Дж. Фрезер (Ты не читал? Интереснейшая книга, самое богатое исследование по этнографии. В 30-е годы издали в пяти томах). А я добавлю из личного опыта, что вне храма - культуры нет. Не в обиду вовсе неверующим это говорю, ведь сам недавно в храм пришёл. Но именно потому, что пришёл, мне есть с чем сравнивать.

—Конечно, люди разнятся между собой, - и ты прав, когда об этом пишешь. Но разница эта не проникает глубоко в общую всем нам природу. В природе всех абсолютно людей чувство добра, красоты и святости. И злодей понимает, когда ему делают добро. Можно с трудом улавливать красоту музыкальных гармоний, но тогда человек с лёгкостью воспримет красоту чьего-нибудь лица или пейзажа или ещё чего-то. Только это чувство красоты должно питаться реальным опытом. Извне, издалека понять красоту невозможно. Аналогично в религии - этом самом прекрасном цветке человечества. Без живого религиозного опыта невозможно ничего понять в сущности ни одного вероучения, как ни

бейся. Это было бы похоже на эстетику, которая отбросив живое чувство прекрасного, занялась бы лишь чисто внешним анализом произведения искусства. Всё дело в опыте. Как писал знаменитый психоаналитик Карл Юнг, - "религиозный опыт имеет абсолютный характер. Он не подлежит спору и дискутированию. Обладающий этим опытом обретает сокровище, равного которому больше нигде найти нельзя".

— Это факт, бесспорный факт, подтверждённый мириадократно всегда и везде. Оспаривать это - идти против рожна. Дело не в природной расположенности, а в личном и общечеловеческом культурном опыте.

— В этом отношении наше поколение было поставлено в особые условия, изолированные от истории и от мира мы были лишены именно религиозного опыта. Это как если бы в стране была на несколько десятков лет запрещена живопись. Вся мощь разнузданной, ничем не сдерживаемой пропаганды обрушилась бы на бедное искусство. В подполье ходили бы по рукам обрывки каких-то затрёпанных репродукций (доступных десяткам из миллионов), перепечатывали бы в самиздате трактаты о линейной перспективе и о технике импрессионистов, но никто из читающих никогда бы не видел ни одной живой картины. Все эти люди не были по природе лишены чувства красоты в живописи, но в живописи ничего бы не смыслили, да и просто не знали бы её, ибо знание даётся опытом, а не потугами интеллекта в удалении от объекта знания.

— Личный опыт исподтишка был бы доступен всякому, но ясно, что этого мало. Не может же всякий вновь изобретать паровой двигатель. Научиться плавать можно только в воде.

Дело, конечно, не в присутствии или отсутствии каких бы то ни было идей, а в присутствии или отсутствии опыта. Наличный опыт может породить и своё, осмысленное, богатство идей (в обычном, не платоновском смысле). Это мы и видим в многообразии религий и философий. Отсутствие опыта ни к каким идеям привести не может. Наглядный тому пример - убожество материалистической философии.

— Когда я думаю об идеологическом багаже атеизма, точнее - "научного атеизма" - "единственно научного мировоззрения", который не устаёт подчёркивать немислимый "конфликт науки с религией", - мне вспоминается образец научно-атеистического мышления, разговор В.И. Ленина с одним из своих сотрудников. Этот разговор часто цитируется в атеистических книжках, и, по сути дела, всю идеологию атеизма можно свести к нему как к своей парадигме.

— Разговор происходил ночью под тёмным куполом звёздного неба.

— Я заметил Ленину, что мысль невольно устремляется к Великому Разуму, когда перед глазами в небесном пространстве бесчисленное количество, мириады звёзд.

— Ленин засмеялся и иронически произнёс:

— К боженьке!

— Назовите это, как хотите, Владимир Ильич, ... Разве не прав был Спиноза, который говорил: когда передо мною прекрасный часовой механизм, я невольно думаю о мастере, сотворившем его.

— Всё это несёт поповщиной, - ответил Ленин.

— (Собственно, на этом доказательство обычно и останавливается, но Ленин всё же продолжил:)

— Короче говоря, Вы хотите сказать, что всё это было создано боженькой. Хорошо. Допустим, что всё, что существует, всю вселенную боженька создал энное число миллиардов лет назад. Ну, а что он делал раньше, спал, что ли?"

— Вот, оказывается, как видел проблему гений мысли, знаменитый философ-материалист XX века, отличник учёбы, выпускник ЛГУ и поклонник Гегеля. Вот к чему свелись все философские размышления предшествовавших тысячелетий.

— Последующий "научный атеизм" не добавляет ничего нового к этой реплике философа. Изменяется лишь тон.

— 50-е годы. Пишет один из профессоров ЛГУ:

"Буржуазная астрономия, переживающая глубочайший кризис, находится в состоянии застоя и идейного загнивания. Особенно наглядно это проявляется в усилении мистики и поповщины в области современных космогонических и космологических "теорий", ныне прямо и открыто смыкающихся с теологией. (Здесь автор прав: после античности никогда ещё естествознание и богословие не вступали в такой синтез как в XX веке. Приходят на ум слова Эйнштейна: "Наука без религии хромает, религия без науки слепа".) Ярким свидетельством этого может служить широкая проповедь в буржуазных странах реакционно-мистических идей о конечности Вселенной, о "расширяющейся вселенной", мракобеснических рассуждений Эддингтона, Джинса, Милна, Эйнштейна и др. о конечности мира, призывающих "научно" обосновать библейский миф."

— 60-е годы пошли на уступку поповскому мракобесию Эйнштейна в физике, но в идеологии глупость приняла характер просто чудовищный. Вот пишет известный наш астрофизик Шкловский:

— "Если вывод о том, что 12 миллиардов лет назад вся Вселенная представляла собой сверхплотную ядерную каплю, является правильным, (а это, по-видимому, так), всякое рассуждение о "начале" и тем более "сотворении" мира является ненаучным. (До сих пор о'кэй. Но далее) Излишне подчёркивать, что в условиях такой Вселенной - сверхплотной капли - никакая жизнь невозможна".

Что прорекло это: голова или кочан капусты? Вот и всё, что этот уважаемый, пожилой (и, как он себя, наверное, считает, - образованный) человек за всю свою долгую жизнь вынес из личного опыта, из чтения книг, из культуры всех тех, кого называют образом и подобием Божиим. Бог - это дедушка, то ли во сне парящий в бесконечном пространстве, а после чихающий и из чиха творящий метagalaktiki, то ли сидящий в неуютности первичной (?) материи и лепящий из неё те же метagalaktiki. Но в "ядерной капле" жизнь немыслима, дедушке там просто не уместиться, да и дышать нечем было бы; значит, дедушки там не было и быть не может.

— Такова вся идеологическая культура вне храма. И больше ничего.

— Вот на марке умница Эйнштейн. С его замечательной формулой. Какая интуиция! Вопросы Спасения его мало тревожили (если только под конец жизни). Промыслом он был определён к иному. Но всё-таки в личном плане этот человек - пример для всякого естествоиспытателя: как можно созерцанием Логоса прийти от плоского механического безбожия к естественному пантеизму.

— Его специальная теория относительности, изумительная сама по себе, была плодотворной и для богословия (ведь методы и модели любого уровня всегда одни). Не то, чтобы его выводы были в новинку церковному учению. Напротив, всё это можно найти и у отцов "золотого (т.е. IV) века", особенно у блаж. Августина, и в средневековой схоластике. Но 200 лет до Эйнштейна над европейцами повис туманный кошмар ньютоновского (а затем кантовского) абсолютного пространства и времени, порождая непреодолимые рассудочные трудности в области космологии и психологические - в деле разумного оправдания религиозной интуиции. Туман рассеялся. Богословие вздохнуло с облегчением и вновь обратилось к своим истокам, к тому же IV веку.

— Для философии важно было не только и не столько это. Важна индуктивная и

аналогическая экстраполяция из области частного физического опыта в общий религиозный опыт. Разумею, конечно, экстраполяцию метода, внимание, уделяемое субъективному, релятивизму. Всё это было очень конструктивно в таких вопросах как вечность и пространственно-временной эон, история и свершение, дискретность жизни-процесса и непрерывность жизни-бытия и т.п. И это без покушений на свободу, на подвиг веры.

— Возможность такой индукции любил давно ещё подчёркивать Нильс Бор, правда, в более симпатичной ему области "принципа дополнительности". Но всё это - дело будущего.

Я не говорю уже о том специфическом значении, какое имела собственно формула $E = mc^2$ с её пространственно-временными истолкованиями.

— Если ещё 100 лет назад обывательское умозрение под Материей понимало "массу", некую протяжённую, непроницаемую в своих первоэлементах и существующую в пространстве и времени реальность, - то теперь это было уже невозможно. Материализм под натиском физики сделал героическое сальто. Материей объявлено всё, что имеет объективную реальность. Но где же материализм? Что это, самоубийство? Понимай каждый, как хочет. Богословие вполне принимает такое "определение" с одной оговоркой: оно очень расплывчато, и в такой расплывчатости материю для богослова вполне можно отождествить с Богом. (Именно в этой расплывчатости, ибо при более внимательном анализе материя - не Бог богословия). - Материя - бытийствующая реальность, выявляемая как Логос, - или что-нибудь вроде этого... чем не Бог?

— Чисто интеллектуально в такой постановке вопроса спор упирается в терминологическое расхождение. Называть принцип реального бытия женским словом (Материя - mater - materia - Мать - материнство - всепорождающее таинственное лоно "матери-земли" - подчёркивается момент безипостасности) или мужским (Бог - санскритск. *bha*, по-видимому, от *ba* - фонема детского лепета: *ba-ba*, *па-па*, как "матерь" от *ma*: *ма-ма*).

— Ведь исторически так оно и было. Если смотреть только на европейскую философию: она сводилась к поиску "первоначала", принципа всего сущего. "Мать-земля" древнейших орфиков заменяется матерью-водой у Фалеса, откуда и сама земля берёт начало, выплывая из Океана. Затем матерью (материей) называется воздух у Анаксимена, "беспредельное нечто" у Анаксимандра, теплота (огонь) у Гераклита, "Единое" у Зенона и Парменида, и, напротив "многое" у Эмпедокла (4 элемента), у Анаксагора (великое множество качественно разнородных элементов), у Демокрита (множество качественно однородных элементов), - но всё это именно поиск Матери - первоначала (ведь в греч. языке "начало" - *αρχη* - женского рода - материнская богиня). Этот ряд можно продолжить.

Как бы там ни было, никому из этих древних философов, так же как и новым - после Эйнштейна - не приходило в голову (не в кочан капусты) понимать под "материей" нечто наподобие субстрата (будь то масса, плотность, пространство, время или любая другая физически измеримая величина). Это в классическом варианте.

Но история и философская пунктуальность - с одной стороны, а бытовой язык, на котором отразились последние 200 лет - с другой стороны.

Поэтому и термин "материя" может выступать в двух смыслах (и надо всегда чувствовать контекст).

1) Историко-философский смысл. (Классич. вариант)

Материя - первооснова бытия, само реальное бытие, реальность в самом глубоком и

основном смысле, то, что делает человека - человеком, кошку - кошкой, камень - камнем и электрон - электроном, то, благодаря чему всякая вещь может "сказать" о себе: "аз есмь". Мы символизировали это светом знания. Логосом, законом бытия. И в этом смысле материя тождественна Богу.

—2) Бытовой смысл, проистекший из механического взгляда на мир. Материя - вещная реальность в её внешней актуальности, то, что подвержено физическому эксперименту, то, что можно потрогать или измерить (прямо и косвенно).

Богословие, ввиду того, что в смысле 1) оно использует слово "Бог", применяет термин "материя" лишь для выражения содержания 2), т.е. несобственно, вульгарно.

—Философии более свойственно (кроме специфически религиозной философии) принимать смысл 1), если уж философия оперирует этим словом. А это далеко не всегда. Диамат определяет материю именно так (подменяя слово Бог). Беда диамата лишь в том, что волей-неволей (из-за богобоязни), употребляя "материю" в смысле 1), он вкладывает практически в это слово содержание 2). Говорят о бытии, а понимают - вещи.

—Всё это просто. Но сколько проистекает отсюда недопонимания, распрей... Примерно, как в IV веке из-за спора о сущности, субстанции и ипостаси. Люди растерялись. Одно понятие именовали по-разному. И напротив, разные вещи называли одинаково. Сколько было крика, ругани, воплей, даже крови. Но споры были бесплодны. Они помогли христианству, наконец, выразить себя в кристально чётких формулах.

А теперь к твоему последнему письму. Я снова рад принципиальному совпадению наших взглядов, хотя имею пару замечаний. Вот они:

—Ты цитируешь меня: "Вопрос о первичности и вторичности материи и сознания отпадает сам собой, ибо материи в чистом виде (т.е. без сознания) мы нигде и не встречаем. Если материя - сама бытийствующая реальность (смысл 1), определение философии), то она сознательна, но тогда Логос, свет знания, закон бытия, Бог - и есть материя".

—И даёшь реплику:

—"Абсолютно честно утверждаю, что уже лет 15 являюсь сторонником такой точки зрения вследствие её очевидности, хотя, **как и всякий физик, вместо слова Логос употреблял слово энергия** - загадочная вещь, без чего ничего не бывает, что никогда не исчезает, а лишь превращается из одного вида в другой." И далее замечательная аналогия с массой и способностью к притяжению (1).

—(1) *Я писал, что вопрос о первичности материи или сознания (основной вопрос философии!) сам по себе казался мне всегда (или, по крайней мере, давно) идиотским. Возьмём модель мира, в которой есть только две частицы с массами m_1 и m_2 , и которые только и могут, что подчиняться закону всемирного тяготения, т.е. притягиваться друг к другу с определяемой этим законом силой. Что первично в этом мире? Наличие у частиц масс, т.е. их "материальность", или их способность притягиваться, т.е. наличие у них "знания" друг о друге и о необходимости притяжения с определённой силой? Материализм отвечает - первично наличие масс. Но наличие массы можно установить лишь по способности к притяжению, это свойство неотделимо от понятия массы. Для этих двух частиц "знание", "сознание", "притяжение", "жизнь, существование" тождественны.*

—Или здесь нет сознания?

—Ах, мы говорим о человеческом сознании! Но стоит ли огород городить, чтобы доказывать, что человеческое сознание вторично по отношению ко всему, что было

раньше человека?

— А после:

— "Материя с её сознанием, т.е. объективными законами взаимодействия, и есть Бог, который в нас и вокруг нас".

— 1) Неосторожное высказывание - "как и всякий физик". Ни Планку, ни Бору, Гейзенбергу, Де Бройлю, Паули, Иордану, Шрёдингеру и т.д., и т.д. не приходило в голову называть Логос энергией. Логос есть Логос. А энергия - энергия. А это были физики. Некоторые из них внесли немалый вклад в богословие, и поголовно все были активно верующими людьми. Гейзенберг, Дирак, Де Бройль - католики. Большинство - протестанты. Эйнштейн вне конфессий. У всех у них можно найти достаточно рассуждений о Логосе, но никогда они не употребляли это слово в смысле энергия.

— 2) Логос и энергия. Этот вопрос широко дискутировался среди кибернетиков. Я плохо знаком с вопросом. Но мне думается, что это совершенно разные понятия. Энергия и масса - две стороны, два дополняющих друг друга способа описания вещной действительности. Так, энергия описывает и численно измеряет действие (возможное и осуществляемое) ($E = ht$).

Логос (знание, организующий принцип) далёк от столь физического истолкования. Да, нет бессознательной массы или бессознательного действия (энергии: ведь $\epsilon\nu\rho\upsilon\alpha$ и переводится как "действие"), т.е. нет материи (в смысле 2)) без Логоса, но разве можно отождествить действие, самоё меру энергии с информацией, выявляющейся в этом действии?

Два камня (1 кг и 1 т) падают на землю с одной высоты. Между ними и средой происходит различный энергетический обмен, подверженный вычислению. Но информация о поведении в обоих камнях была одна и та же и не изменилась от их падения.

Винер в своей "Кибернетике" (М., 1958), помнится, очень чётко показывает отличие информации (организующего действия Логоса) и от материи (в смысле 2)) и от энергии. Я очень давно это читал, когда вопрос меня совершенно не затрагивал. Да и сейчас он меня затронул случайно. Помню только, что все попытки дать информации точное физическое определение остались безуспешными. Однако ни у кого не вызывает сомнения её реальность. Ясно осталось одно: информация - это не вещь. Энтропия - мера дезорганизации. Информация - мера организации. Ясно, что это скорее мистические символы, чем точные физические определения. Думаю, что здесь какой-то нерв как естествознания, так и умозрения, пока, к сожалению, не исследованный, ни с той, ни с другой стороны.

Мне же ясно одно - моё непосредственное знание - то, что я называю своим бытием (Аз есмь), не от меня получило начало. Это есть действие во мне некоей сверхэмпирической устрояющей силы (Логоса), которая нетождественна массе или энергии, или любой другой физической реальности, которую можно ухватить пинцетом, рассмотреть под микроскопом или измерить электрометром.

Ясно и то, что без Логоса нет никакого физического действия (энергии), равно как, по меньшей мере в доступном моему физическому наблюдению мире, Логос не выявляется вне конкретного действия (энергии). Так можно переформулировать фразу:

Без материи нет сознания, без сознания нет материи.

(В богословии Логос иногда называют Божественной энергией (т.е. действием), но это не то же самое, что физическая энергия E).

— Боже мой, куда мы зашли! Ну разве живому ощущению бытия, живому религиозному чувству есть дело до всех этих энергий и энтропий? Разве Авраам, Моисей, Лао Цзы или Магомед стали бы вникать во всю эту белиберду?

— И всё же, чтобы уж покончить с этим

3) "Материя с её сознанием ... и есть Бог".

— Так-то оно так, но боюсь, как бы здесь не было путаницы в понятии "материя", о которой мы уже говорили. Разберём-ка:

— 1) В классическом понимании материя - и есть то, что производит в вещах "сознание", т.е. человека именно сознающим человеком, а не трупом, каплю воды именно каплей воды со всеми законами бытия, присущими ей, т.е. капле, а не кристаллу алмаза, и наоборот. Эта материя выявляется в мире как сознание. Её, конечно, можно назвать Богом, хотя это и непривычно.

2) В бытовом понимании материя - вещная реальность, пронизанная сознанием (Логосом, материей в смысле 1)), т.е., например, это моё тело, которое можно взвесить и температуру которого можно измерить. Это тело существует как человек (Аз есмь) потому, что оно - орган действия Бога - Лотоса, но не есть Бог. В нём - образ Божий, действие Самого Бога.

Так же как глаз - орган, в котором действует свет, и поэтому глаз видит (существует как именно глаз), в глазу - образ света и его действие, но глаз - не свет.

— Нет глаза (не функционирует глаз как глаз) без света, но для глаза нет и света без глаза. Точнее, глаз может логически подозревать, что свет существует и без него (и будет прав), но это подозрение для него никакого практического значения иметь не будет.

— Итак, материя (в смысле 2)) с её сознанием не есть Бог, но выявляет образ Бога и не существует без Бога.

"Неслиянно и нераздельно" - эта парадоксальная формула Халкидонского собора 451 года верно передает взаимодействие Логоса и материи-2, т.е. физической реальности.

Они нераздельны в этом мире: нет вещей без Бога и Бога мы не видим без вещей.

Они неслиянны: Бог и вещи - не одно и то же, несмотря на их теснейшее нераздельное взаимодействие.

— Здесь рассудком не проникнуться. Действует что-то вроде принципа дополнительности. Но это - результат очевидности, ничего не поделаешь. Не всегда реальность укладывается в рамки формальной логики. Парадокс бывает единственным возможным словесным выражением реального опыта. Дуализм волна - корпускула - тому наглядный пример.

— Я вынужден был влезть во всё это прежде чем продвигаться дальше. Хотя думаю, что для живой интуиции всё это словоблудие - не более как ветер.

— Всего хорошего, Сашуля, твой Ианнуарий.

Во всей этой спешной импровизации, - знаю, - много неточностей, неопределённостей. В принципе, я готов остановиться на твоём письме так, как оно есть.

Главное - не спор, а честный поиск истины и минимальный выход из рамок опыта и интуиции.

— Ленинград, 11 апреля 1979 г.

Дорогой Сашок!

Вчера я написал тебе письмо, но не отправил. Писал я его при жуткой головной боли и думаю, оно несёт на себе её отпечаток. Сегодня мне пришли в голову дополнительные мысли, которые я нахожу (нескромно) и интересными и вполне оригинальными в значительной части. Поскольку они носят самостоятельный, хотя в своей краткости и не законченный характер (скорее, план, набросок), я решил изложить их здесь и выслать вперёд. А затем отправлю и своё вчерашнее письмо, где говорится о том же, но более сумбурно, да много и лишнего.

— Речь идёт о твоём последнем письме, которое меня очень обрадовало тем, что в целом наши мысли совпадают. Совпадения касаются основного, интуиции. В выражениях есть разница. На ней я и останавливаюсь.

— Основное: я не согласен с тем, что "свет знания", Логос ты называешь энергией и при этом явно подразумеваешь физическую энергию. (В богословии Логос и в самом деле называют энергией (т.е. в переводе с греческого - действием), но энергией Божественной, а это не то же самое, что энергия физическая).

Вот об этом и речь. Мои краткие рассуждения:

— Всякое разумное, закономерное устройство предусматривает своей структурой, что оно определённым образом модулирует передачу или преобразование энергии. Всякая машина есть трансформатор с тем или иным к.п.д. (если п.д. вообще ею предусматривается).

— Двигается автомобиль. Это значит в физическом смысле, что в нём происходит некая трансформация энергии и соответствующее взаимодействие с внешней средой. Для автомобиля важен способ, каким он устроен, т.е. образ трансформации энергии, важен разумный информационный код, заложенный в нём, его разумная структура. То, что в самом широком смысле мы называем его разумностью, сознанием. Разумность - не энергия, она управляет энергией, она - образ изменения энергии.

— С автомобилем просто. Ясно, что его организация зависела от человеческого логоса. Более того, участие человека в функционировании автомобиля не прекращается с созданием и запуском его. На каждом метре пути автомобиль поджидает катастрофа. Чтобы в целости была разумность его движения, необходимо постоянное управление им, регуляция информационного кода.

— Разумность автомобиля, его "автомобильность", состоит не просто в трансформации энергии, а в кодированной трансформации энергии.

— Понятно и то, что процесс кодирования и управления не обходится без энергетических трат человека, но ведь и не сводится просто к энергообмену. Ведь эти энергетические траты в свою очередь сами закодированы, т.е. разумны, целесообразны.

— (Чем более невероятна система, чем более она противостоит энтропии, тем больше, по-видимому, она требует постоянной защиты и разумного управления.)

Волчок можно крутануть разок, и он будет действовать однородно столько времени, насколько хватит затраченных усилий.

Автомобиль же требует постоянного дополнительного притока информации, не однократного, как в случае волчка, а постоянного действия логоса.

— То, что нас удивляет и интересует во вселенной, в каждой вещи есть именно информационный код, заложенный в сложных структурах природы, то, что мы называем закономерностью и разумностью.

— Разум человека как бы "материализуется", претворяя свою сверхэмпирическую деятельность в вещественных конструкциях. Логически напрашивается вывод, что мировые закономерности и эволюция, тайны жизни и мышления - есть воплощение Высшей мысли, возвышающейся над природой подобно тому, как человек возвышается над построенными им механизмами.

Неживая природа подобна волчку. Таинственная вещь - энергия, которая переходит из одной формы в другую, никуда не исчезая. Но ещё более таинственная - Логос, принцип закодированности всех энергетических переходов.

— Жизнь обнаруживает качественный скачок в кодовой структуре. Мало того, что она очень маловероятна сама по себе, в своей мгновенной данности. Волчок тоже маловероятен, но он не противостоит энтропии. Жизнь - противостоит. Смерть, разрушение организма - торжество энтропии, но через размножение биологические системы преодолевают её. Что это? Возможны лишь два пути объяснения этого факта.

— 1) Жизнь (цепь организмов) подобна автомобилю. В ней действует постоянный источник информации, поддерживающий её в её маловероятности.

— 2) Жизнь подобна волчку с той лишь огромной разницей, что в ней закодировано и самоуправление. Причём никакое сравнение с самоуправляемыми механическими системами здесь не выдерживает критики.

Большинство склоняется ко второму варианту. Но и в том, и в другом случае присутствует особое действие Логоса, не менее таинственное, но и не менее очевидное, чем в случае с неживой природой.

— Наконец, в мышлении - новая таинственная (в том смысле, что несводимая к существующим физическим моделям) ступень действия Логоса. Отвлекаясь от субъективного переживания мысли, - человек не просто, как и всякий организм (Шрёдингер) питается отрицательной энтропией (т.е. информацией), но и создаёт её; не только закодирован, но и кодирует. Причём, как кодирует! Сравнение с машиной здесь ещё менее уместно, т.к. мышление человека эвристично, а не формально, а это принципиально противопоставлено любому механизму.

— В этом смысле говорится, что человек - не только образ, но и подобие Бога. Образ, отражение Логоса мы видим на всякой твари, но в Человеке есть нечто ещё - не просто отражение, но как бы Логос в миниатюре.

— Всё же, думаю, не в этом радикальное отличие человека от животного. Ведь и бобёр строит плотину. Дело именно в субъективном, в том, что человек осознаёт своё бытие не просто как радость, боль, удовольствие, но осознаёт его как личное, сознательное бытие, способное свободно отнестись к самому себе со всей своей природной закодированностью.

Его природная, объективная, закодированная, от его желания независимая особенность в том, что его объективное бытие ощущается им как его субъективное, личное бытие (Я). Логическая чепуха, парадокс (Весь я, со всеми своими потрохами, со всем своим сознанием, со своим Я - объективно природное существо, как этот камень, чуть посложнее ... и в то же время Я ощущаю себя именно как существо

самоутверждённое, относительно свободное от какой бы то ни было природы). В этом парадоксе вся тайна человека. Его Я как бы расщеплено. С одной стороны, это Я дано ему как объективное, как действие всё того же кодирующего и устрояющего Логоса (ну, скажем, как конструктор и водитель дан автомобилю, определяя его "я", его "автомобильность"), но, с другой стороны, Я человека само обладает способностью передавать произвольную информацию, способно обнаруживать свою объективную информированность, закодированность, и утверждать или отрицать её вплоть до вольного самоуничтожения.

— Другими словами, в человеческом существе сталкиваются два потока информации: объективный Логос и субъективный логос. Второй парадоксальным образом зависит от первого, невозможен без своей объективной данности, без своей натуральной закодированности, и в то же время свободен в отношении к нему (т.е. к Логосу) вплоть до того, что может отрицать свою объективность.

(Это можно выражать и другими терминами, но всякий раз мы поразимся парадоксальности человека.)

— Так в человеке сталкиваются Бог и Его творение. Это столкновение носит личностный характер. Оно неоспоримо, ибо для этого надо отрицать либо природно-объективный характер человеческой личности, либо субъективное в человеке. Оно неоспоримо ввиду фактической универсальности религиозного опыта, ибо не было и нет ни одного народа или хотя бы самого отдалённого периода времени, которое не подтвердило бы этого факта.

— Богочеловеческий диалог, информативный обмен между объективным (бытием) и субъективным (самостью) в человеке не подлежит дискутированию. Собственно, только этим отличается человек от животного радикально. Тем, что не просто homo sapiens, но homo sapiens religiosus (religio в переводе означает личную связь).

— Почему материалисты так упрямо отрицают это? Думаю, что только и исключительно из-за теофобии, богобоязни, боязни самого слова Бог, таких слов как молитва, откровение, Церковь и т.п. Это - логофобия, словобоязнь (конечно, поддерживаемая недостаточно воспитанным чувством объективного).

— Если я заменю традиционные, культурные слова квазинаучными выражениями: вместо Бога буду говорить материя или принцип объективной реальности, вместо Слова Божия, Логоса - поток информации, вместо молитвы - информативный обмен и т.п., - то значительная часть "материалистов" станет "религиозными мракобесами". Ведь с радостью у нас была издана книга "Феномен человека" Тейяра де Шардена - это глубоко религиозная книга монаха, иезуита, и признана "материалистической" только из-за ласкающей их слух и взор терминологии.

— Целую, Ианнуарий.

Вот, собственно, на какие размышления меня натолкнуло твоё замечание о том, что "свет знания" ты называл "энергией".

Ты видишь, что здесь всё сыро. Всё наспех сымпровизировано, требует доработки. Но часто бывает, что ухватываешь какое-то ядро, основное, и чувствуешь, что разворачивается картина далеко вперёд. Начинаешь спешить, перескакивать, чтобы не потерять логическую цепь, которую завтра можешь забыть.

Мне кажется, что данная схема чревата успешным продолжением. Может быть и ты подумаешь над этим. Мне сейчас так некогда. Да и тебе, конечно.

Привет Сашуле.

_____ Ленинград, 14 апреля 1979 г. _____

Продолжение позапрошлого письма.

Дорогой Сашок!

Подведём итог всей болтовне.

_____1. Бог как истина (то, что есть) выступает как Самобытие, принцип и основа всеобщего и частного бытия.

_____2. Субъектоцентрический подход обнаружил для меня Бога как "свет истины" (образное выражение) в моём сознании и самосознании. То, что я называю сознанием своего и чужого бытия, разумением (логосом), есть действие во мне независимого от меня начала ("света"), по аналогии называемого Логосом. Без сознания (без действия Логоса) меня (как человека) нет.

_____Тот же принцип действует и во всём окружающем меня мире (при некотором обобщении понятия разумности, сознания). То, что всякая вещь может "назвать" своим бытием в своей природной специфичности, есть независимое от этой вещи действие в ней того же Логоса. Без своей специфической природной наделённости разумными законами бытия (от вещи независимыми) вещи как таковой нет.

_____Вокруг меня и во мне нет ничего без сознания, и нет сознания вне вещей.

Бытие (Бог) (то, что я и все вещи могут назвать своим бытием), выступающее для меня и вещей как Логос (Бог явленный, а неявленного Бога я и не знаю и знать не могу, могу лишь предполагать, постулировать), - бытие это присуще всему, всякой вещи. Нет вещей без Бога, и не обнаружим Бог без вещей.

_____3. Объектоцентрический подход обнаружил Бога как принцип организации вещей (в самом общем смысле), как то, что объективно устроит всякую вещь в её специфичности (человека - человеком, камень - камнем). Если организованность назвать разумностью (логосом), то и универсальный организующий принцип можно назвать Логосом.

_____Без логоса нет ни одной вещи, но и логос мы не способны описать в существующих научных моделях самостоятельно. Он дан только в интуиции всякой вещи, но не сам по себе как измеряемая физическая величина.

_____4. Тождество этих двух Логосов очевидно. Его можно уяснить на аналогии с механизмом, скажем, автомобилем.

_____Движущийся исправный автомобиль, если бы был способен сознавать, сознавал бы своё бытие как независимую от самого себя разумную вовлечённость в бытие окружающего мира. Сила, вовлекающая его в автомобильное бытие, действующая в нём и независимая от него, есть логос водителя.

_____Для стороннего наблюдателя движущийся автомобиль только потому и существует как движущийся автомобиль, что он (регулируемая система автомобиль-водитель) обладает разумной организацией, своим автомобильным логосом, начало которому - в логосе водителя.

5. Какую бы модель физического мира мы не приняли: так называемую "метафизическую" (с началом и концом) или "диалектическую" (в бесконечных фазах развития и деградации), ни одна из этих моделей не способна исключить Логос из мира. Это - самоочевидность.

___б. Логически может возникнуть только одно возражение. Оно часто и выдвигается (диалектиками). Возражение против вечности Логоса (в смысле его абсолютности, неизменности). Если вселенная, говорят они, представляет собой не метафизическую систему $P \Rightarrow R$ (доминирование общего над частным), а диалектическую саморегулирующуюся систему (гомеостаз) $P \Leftrightarrow R$, то говорить о неизменной абсолютности организующего принципа нельзя, ибо он сам находится в диалектическом взаимодействии с организуемым.

___Разумеется, это пустая отговорка. Ведь в таком случае отношение организующее - организуемое в свою очередь представляло бы собой организованную систему, таким образом диалектики отнюдь не избавляются от абсолюта, просто они переносят его в "высшую" инстанцию (абсолютом здесь выступает принцип диалектики). Так круг замыкается, и мы опять приходим к Богу. Не к ленинскому "боженьке", а к тому Богу, без Которого ничего нет, и Который непознаваем вне своего пребывания в мире. К тому Богу, без Которого я не сознавал бы своего бытия и без Которого не было бы моего объективного бытия. Богу, имя Которому есть только Бытие.

___(Мы Его можем называть как угодно, но Сам Он называет Себя в нас и в каждой вещи именно как Бытие - Аз есмь, Jahweh).

___Хватит с этим.

О том, какое значение имеет Бог для всякой вещи, - говорить нелепо. Но вот интересно посмотреть, как является Бог тем или иным вещам в их субъективном ощущении, какие грани Его реальности переживаются разными вещами? Это вопрос о Богоявлении (Теофании) или об Откровении Богом Самого Себя твари (Апокалипсисе).

___Пофантазируем. Как ощущает Бога камень? Вопрос о "самосознании" камня неочевиден (ср. панпсихизм Лейбница, Соловьёва или Циолковского), поэтому будем говорить только о "сознании". Думаю, что камень ощущает Бога как жёсткую, воистину каменную необходимость, нечто, заставляющее его, камень, лететь с высоты, бросающее на землю, деформирующее его при этом, нагревающее и, может быть, даже разбивающее на куски.

___Как является Бог кошке? Кошка, наверное, переживает Бога как некую живую кошачесть; погружённая в свою субъективность, неспособная отстраниться от себя и от окружающего мира, она ощущает Бога как поток живого невольного свершения, как нечто, доставляющее удовольствия и боли, пушистое, мяукающее, влекущее сохранять свою жизнь и размножаться, одним словом, - как свою живую кошачью жизнь. Таков апокалипсис для кошки.

Как является Бог человеку? Да именно так, как человек и сознаёт бытие: как свою живую человечность, как "Аз есмь". В состав человеческого бытия входит ещё (плюс к каменной необходимости и живой кошачести) способность объективировать себя и окружающий мир, то есть способность вольных (волевых) акций по отношению к своему и чужому бытию. Эта способность физически ограничена, но в потенции стремится к безграничности, к абсолютной свободе. Эта свобода (свобода воли, как чаще называют, хотя это может выглядеть тавтологией: воля вольная или свобода свободная), позволяющая объективировать бытие, то есть Бога, оказывается необходимым условием собственно того, что мы привыкли называть Богоявлением или Откровением.

Поэтому Бог, являясь человеку как его бытие, как "человечность", является жизнью, наделённой личностным (свободным, объективирующим) свойством. Иначе бывает, когда Бог является человеку как объективированное бытие других вещей. Тогда Бог открывается в своей каменной необходимости и кошачьей жизненности (ведь и камень и

кошка для человека - объекты). В последнем случае мы имеем дело с "Богом философов и учёных" (Первая необходимость, Творческий принцип, Абсолют и т.п.) или с Богом язычников (распылённый в необозримую множественность Бог - боги камней, рек, деревьев, Солнца, гор и т.д.). В реальных религиях обе эти объективации бытия, как правило, соединяются в различных пропорциях. Абсолют индусов не исключает живого политеизма. Пёстрая жизнь греческих богов не исключала мёртвого Абсолюта платоников. Живой и личный Бог Ветхого Завета прекрасно уживается с эллинизирующим богословием Филона и средневековых раввинов. Даже христианский Богочеловек соседствует с Первопричиной и Перводвигателем св. Фомы Аквинского.

— Фейербах писал, что "человек творит Бога по своему образу и подобию", что "теология есть, собственно, антропология". При всей философской и нравственной безответственности этих выражений, в них есть доля правды. Просто не "творит" Бога человек, а видит Его по своему образу и подобию, так как иначе он Его и видеть не способен.

Мы замечаем, что каждая следующая из рассмотренных нами трёх ступеней Богоявления не отрицает предыдущую, но включает её в себя. В человеке все три - в синтезе. Бог как Необходимость (т.е. как объективная истина), как Жизнь и как Свобода (т.е. как Личность). Всё это грани одной и той же реальности Бытия, лишь в человеке доступного объективному рассмотрению.

— Логически можно ожидать, что далее мы придём к выводу: свобода (в человеке) есть осознанная необходимость. И это верно в том смысле, что человек может сознавать свою свободу как неизбежный результат своей необходимой природной заданности. Но ведь логично также и то, что человеческое в человеке, личностное, его свобода также и в том, что она - осознанная жизнь, осознанная свобода, осознанное бытие вообще. Здесь жёсткие логические сцепления ослабевают и распадаются, всё проваливается в парадокс. Со свободой мы вступаем в область не логики, а именно свободы, чуда.

— Но каким образом происходит это личное Богоявление? Это осознание Бытия как свободной личности? Ответ сам собой вытекает из всего хода предыдущих рассуждений. Личный Бог может являть себя только в человеке и через человека, во мне и в тебе и в нём именно как личность. Всякая внеличностная теофания носит неполный характер.

— Богоявление принято считать чудом. Но когда произносится это слово, неверующие отшатываются от него. Существует даже такое понятие - "чудобоязнь". Беда в том, что, погружённые в суеверные представления о чуде, неверующие, ввиду почти полного отсутствия у них живого религиозного опыта, понимают его как невероятную диковинку, как беззаконный прорыв в царстве Необходимости.

— И правильно понимают: чудо невероятно. Ведь человек в природе тоже обладает ничтожнейшей вероятностью (если вообще не равной нулю), а с точки зрения логики Абсолют - вообще нулевая вероятность, чудо - преодоление Необходимости, ибо в нём является Личная Свобода. Неверно только, что чудо - диковинка.

— Чудо в принятом богословием понимании - явный знак Божия присутствия. И для опытного взгляда чудо едва ли не во всем (а теоретически - во всём). И это утверждается не ради поэтического словца. Любой человек Церкви, например, переживает чудо как чуть ли не будничную реальность. Христианство вообще поставило человеку задание - жить в постоянном чуде. И там, где этого не происходит, - свидетельствуется только о религиозной лжи и теплохладности.

— Но как возможна эта религиозная теплохладность? Как возможна безрелигиозность? К чему ведёт человека религиозность?

— Всё, к чему мы пришли логически из анализа наших очевидных интуиций, до такой степени понятно и само собой разумеется (кроме, возможно, некоторых шероховатостей терминологии и нечёткости суждений, неизбежных при такой беглой импровизации), - что, думаю, со всеми этими выводами трудно не согласиться. Да, собственно, здесь и думать-то не о чем.

— А диамат? Почему диамат (а ведь это логическая, умная система) расходится с нашими выводами? Почему - не знаю. Но в чём расходится? Из всего, что сказано, - только в двух пунктах.

— 1) Диамат вопреки всякой логике и всякой очевидности не признаёт реальность Абсолюта, то есть Абсолютной Истины, Бога. Боятся даже слова Абсолют или Бог. Поэтому, естественно, все его построения как бы зияют дырой незавершённости и своего дурной бесконечностью угрожают человеческому рассудку вообще. Это - богобоязнь.

2) Диамат вопреки всякой логике и очевидности отрицает свободу в бытии, сводя её (а с нею и человека и всё Бытие) к Необходимости и только к ней. Поскольку эта Необходимость неразумна (ибо разум и есть свобода), она - по сути дела - реликт древней жуткой веры в слепую судьбу. Когда думаешь о материализме, всегда представляется безумная Ананка, или глупая фортуна или три дремучие слепые Мойры, плетущие свои загадочные нити. О родственности материализма вере в эти кошмары так много писалось, в частности, прекрасно писалось Аверинцевым в его последней книге, что стыдно повторять его по свежим следам.

Это - чудобоязнь.

— Но внимательный взгляд обнаруживает, что два эти момента тождественны друг другу. Это видно из наших рассуждений, и общее место для философии. Признать Абсолютную Истину - значит признать Её Свободу (ибо Абсолют без Свободы - неабсолютен). Признать в человеке свободу не только как осознанную необходимость, но и как осознанную свободу (т.е. просто как настоящую свободу), - значит признать в человеке абсолютное начало, ибо свободой может обладать только Абсолют (это как масло масляное).

— Таким образом отказать свободе в бытии = отказать бытию в свободе. Отрицание Бога и отрицание свободы - одно и то же.

— (Очевидна связь между идеологией и практической жизнью. Если вообще вставить на путь дуализма "духовное - материальное", то ведь и сами материалисты склонны уверять, что их "передовые идеи преобразуют мир". Что это за идеи - мы знаем: это убогая, хромящая философия несвободы. Как они преобразуют мир, - мы тому очевидцы. Отрицание свободы в теории не может не привести к отрицанию свободы в жизни.)

И напротив: утверждение Бога и освобождение - одно и то же.

— "ПОЗНАЙТЕ ИСТИНУ, И ИСТИНА СДЕЛАЕТ ВАС СВОБОДНЫМИ", - говорил Господь и Спаситель. Он не был философом. Но эта фраза, просто выражающая его интимный опыт, миллиардократно удостоверенный в истории, - одна из величайших истин философии.

— Свобода дарует величайшую, не сравнимую ни с какой иной, радость, мир, счастье, блаженство. Она - Благо. Всё это можно пережить только в религии, то есть на пути Богопознания. Эта Свобода есть само бытие, за которое можно отдать всё остальное, - как ни парадоксально это звучит.

— И вместилище этой свободы на земле - Церковь, которую "не одолеют врата ада". Рухнут царства, стократно сменяются философии и великие религии, в пыль исчезнут

галактики, но Церковь будет стоять, ибо не на песке её фундамент. И это - очевидность.
—Целую. Иерод. Ианнуарий.

—После того как я утром написал это письмо, пошёл на "белоснежную" Литургию Лазаревой субботы, а сегодня именно она - канун Вербного воскресенья.

—Захватывающее богослужение, воистину служение Свободе, Богоявление и зримое чудо (неверующий не выдержит и 15 минут) настроило меня на дальнейшие размышления по поводу тем, которые мы обсуждаем.

—Ведь я, как и ты, не изучал философию. И всё, что я пишу - не копирование и конспектирование, но то, - что Бог на душу положит. Просто честное изложение того, что я в момент написания думаю и переживаю.

"Благословенно имя Господне отныне и до века!" - трижды поётся в конце каждой литургии. Вот и сегодня мы пели это достаточно громко, чуть сами не оглохли. Как не благословить Истину и Жизнь, дающую всё!

—На чтении Евангелия моё внимание особо привлекли слова: "Веруй, - и узришь сияние славы Божией". То есть увидишь Самого Бога там, где до сих пор ты видел лишь вещи. Не абстрактно, проанализировав, поймёшь, что во всём Бог, а увидишь Самого Бога. Но для этого нужна вера.

—Мы много говорили, но, как бы расчистив поле для дальнейшего, только на подступах к самому главному: чем отличается верующий от неверующего, что в конце концов даёт вера и т.п.

Придя домой в таких мыслях, я обнаружил в ящике письмо от своего друга из Франции. Мы с ним вместе поступали в Академию. Он тоже кончал ЛГУ, психолог. Сейчас в сане пресвитера; вот уже два года по церковному заданию живёт в Германии, но время от времени должен ездить и в соседние страны. До него дошел слух о моём постриге, и он выслал поздравление. И откуда? Из Лурда. Это как бы подчеркнуло мои утренние размышления в этом письме о чуде. (Кстати, чуду в Лурде в этом году исполняется сто лет.) Выслал он и фотографии. Одна из них меня поразила. Большая площадь. Несметная толпа людей окружает более или менее свободное место посередине. Тут с сотню священников в белых стихарях с красными поясами и с сотню же лежанок на колесиках, на которых лежат больные, неспособные подняться. Сестры милосердия стоят в изголовьях. Все напряжённо глядят куда-то за кадр. Чудо вот-вот должно наступить.

—Через неделю праздник Пасхи. Может быть меня на Страстной отправят в Москву в Лавру. Но даже если я буду дома, конечно, писать на этой неделе я тебе не смогу. Теперь уже до Светлой, когда я выберу и время и смогу настроиться на соответствующий лад.

—С наилучшими пожеланиями, твой Ианнуарий.

—Ленинград, 15 апреля 1979 г.

Дорогой Сашок!

—Сегодня - Вербное воскресенье, праздник Входа Господня в Иерусалим. Впереди несколько дней Страстной седмицы, во время которой развернётся драма борьбы Истины с ложью, Свободы с рабством.

—Неверно думать, что сатанократия пришла в мир с "единственно научным мировоззрением" и уйдёт из него с уходом со сцены истории последних его

приспешников. Она стара как этот мир. И будет стара как этот мир. Просто в разное время и в разных местах она принимает различную форму. Откровение св. евангелиста Иоанна Богослова, подтверждённое прозрениями многих других людей, утверждает, что зло, надев маску добра, внешнего мира, благополучия и даже достопочтенного благочестия будет торжествовать свои последние победы среди людей 1000 эсхатологических лет.

— Но какие бы формы ложь не принимала, цель её одна - борьба со Свободой, с познанием Свободы в личном Боге и с участием в Свободе Богочеловека Христа.

Разумеется, такая откровенная, либо едва прикрытая манифестация лжи, какую мы видим в атеизме двух последних столетий, - в истории редкость. Возможно, - единственный случай. Безудержное оскорбление Святыни, попрание всяких представлений о свободе и об исторической правде, шельмование и объявление ложью всего, что мало-мальски противоречит полному отрицанию Истины, начиная с объявления ложью какой-нибудь скромной теории Эйнштейна и кончая обвинениями во лжи (или признанием идиотами) самых чистых и прекрасных людей в истории - апостолов, евангелистов, святых, Будды, Магомета, наконец, - Самого Христа. Страшно думать, содрогаешься от одной мысли обо всей грязи, какую выплеснула ложь на то, чему не верить невозможно, - ибо чему и кому тогда верить? - не этим же подонкам.

— Но и во все другие прошедшие времена сатанократия выявляла себя в борьбе со Свободой.

— Там, где есть вера во Христа, т.е. вера в торжество Свободы в человеке, там зло ополчается прежде всего против этой веры, против Христа. При этом оно способно принимать форму оскорблённой веры в Личного Бога (как это было, скажем, в Иудее времён гонений на христиан, или как это будет в 1000-летнем царстве гуманизма). Всё, что угодно! Пусть даже Свобода, - Свобода Бога, но только не человека. Божественная Свобода, к которой не причастен человек (для человека - произвол и рабство, чистая Необходимость).

Там, где есть вера в Личного Свободного Бога (угрожающая перейти в веру в Богочеловечество), там зло ополчается против этой веры в Божественную Личность. При этом оно будет прежде всего бороться против личного начала в человеке, повергая его личную свободу к стопам механической или витальной необходимости родового начала. Совершенно неслучайны персонифицированные манифестации зла в оболочке живых существ, символизирующих пол и родовую жизнь (коты, козлы, фантастические твари, наделённые полуживотными-получеловеческими чертами, представление о женщине как "сосуде дьявола", суккубы и, наоборот, инкубы). Язычество с его зооморфными богами, с культом половых органов (Бог как безличная жизнь), с фетишизацией сил природы, мёртвых вещей и Судьбы (Бог как безличная, да и неживая, Необходимость) ведёт постоянную агрессию в недрах теизма (Пример тому - вся Священная История Израиля, или современный культ секса, философские системы пантеизма, или фрейдизм как объекты доверия масс людей).

— Там, где есть вера в Бога как Жизнь, безличную, выступающую в виде политеизма - некоего набора относительных личных богов, подчинённых Необходимости (Судьбе), - там злу уже, собственно, нечего ополчаться против такой веры (свобода здесь теплится как противостояние рода неизбежности смерти). Разве что исторически так сложилось, что в новое время, там где язычества уже давно нет, а вера в Личного Бога недавно исчезла, идёт борьба и на этом фронте. Выкорчёвываются остатки суеверий, магии, появляются теории эпикурейства, стоицизма (это, к тому же, в древности), деизма (Бог -

Необходимый Законодатель, не более), понятие о "свободе как осознанной необходимости" в недавнем прошлом.

— Там, где теплятся остатки (не веры, -) понятий о Боге как о Необходимости, - там борьба (дабы уничтожить даже подступы к мысли о Боге) идёт на чисто теоретическом уровне в умах философов: есть Абсолют или нет Его. Скепсис и агностицизм - крайние выражения богоборческих тенденций в философии.

— Но ИСТИНА есть. А раз она очевидно есть, победа всё равно за нею, ибо на то она и просто есть.

— Но что такое противоборство Истине? Как оно возможно?

— С наилучшими пожеланиями, твой Ианнуарий.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)